

для мирного сосуществования обоих народов. И хотя в 1830-х гг. в польской среде им уже не сочувствовали, да и постоянная ротация войск не способствовала созданию семей, всё же такие браки имели место и в этот период. Несмотря на то, что при Паскевиче связи представителей военных и чиновничьих структур с населением в основном сводились к служебным, административным и торговым контактам, в целом, как утверждает Кулик, масштаб русско-польских отношений в 1831—1856 гг. «был гораздо большим, чем допускалось до сих пор» (с. 273).

В Заключении автор раскрывает значение армии как «одного из наиболее заметных элементов российского присутствия в Царстве Польском». Особая роль принадлежала при этом возглавлявшим её влиятельным фигурам — вел. кн. Константину Павловичу и кн. Паскевичу, пользовавшемуся полным доверием Николая I. По словам Кулика, «две эти сильные личности сформировали картину и взгляд на российское присутствие, особенно военное, на польских землях» (с. 274).

Помимо библиографии, именно-го указателя и словаря используемых военных терминов, в книгу вошли

приложения и таблицы, составленные на основе как опубликованных, так и архивных документов и обобщающие данные о численности, структуре и дислокации российских войск в Царстве Польском в первой половине XIX в.

Нельзя не отметить стремление автора к исторической объективности и преодолению сложившихся стереотипов, мифов, связанных со службой поляков в русской армии. Поэтому, несмотря на встречающиеся иногда повторы, которых трудно избежать при комплексно-тематическом изложении материала, и вынужденное привлечение в отдельных случаях статистических сведений, относящихся к более позднему периоду, написанная на высоком научном уровне монография М. Кулика будет интересна как польским, так и российским читателям.

Примечание

¹ Предыдущая книга М. Кулика посвящена полякам, занимавшим высшие командные посты в Варшавском военном округе в 1865—1914 гг.: *Kulik M. Polacy wśród wyższych oficerów armii rosyjskiej Warszawskiego Okręgu Wojskowego, 1865—1914. Warszawa, 2008.*

Анна Комзолова

Несбывшаяся война светлейшего князя И.Ф. Паскевича*

Anna Komzolova

(Institute of Scientific Information for Social Sciences, Russian Academy of Sciences, Moscow)

The unfulfilled war of His Serene Highness Prince I.F. Paskevich

DOI: 10.31857/S086956870017641-6

Царствование Николая I не получило в историографии всесторон-

него и глубокого рассмотрения и до сих пор вызывает интерес у сравни-

* Кривоногов А.А. Фельдмаршал И.Ф. Паскевич и русская стратегия в 1848—1856 гг. М.: Университет Дмитрия Пожарского, 2018. 288 с.

тельно узкого круга отечественных и зарубежных учёных. Между тем ключевые его события, и в том числе Крымская (Восточная) война 1853—1856 гг., первое после Венского конгресса 1815 г. крупное столкновение между великими державами, давно уже требуют переосмысления. Монография А.А. Кривопалова представляет собой первое специальное исследование о роли И.Ф. Паскевича в русском военно-стратегическом планировании 1831—1855 гг., тщательно вписанное в широкий контекст международных отношений первой половины XIX в. Оно позволяет по-новому задуматься о том, отвечала ли политика Николая I в Европе интересам России или же являлась «опасной химерой», приведшей к изоляции во время столкновения с западной коалицией. В центре внимания автора — фигура фельдмаршала Ивана Фёдоровича Паскевича (1782—1855), светлейшего князя Варшавского, занимавшего исключительное положение в окружении Николая I и являвшегося его ближайшим военным советником. Император и Паскевич разделили ответственность за проигранную Крымскую войну, и это поражение в определённом смысле подвело общий исторический итог всей николаевской системы, подорвав былую уверенность и власти, и общества в военно-политической самодостаточности России.

Монография построена по хронологическому принципу и включает введение, пять глав, заключение и библиографию. В первой главе представлены результаты военного реформирования 1830—1840-х гг., подробно прослеживаются этапы постепенного изменения системы комплектования армии и полного перевооружения сухопутных войск. Исследователь высоко оценивает усилия правительства в данной сфере, считая, что именно тогда была заложена военно-техни-

ческая, военно-административная и мобилизационная база, позволившая России в 1850-е гг. выйти из политической и стратегически безнадёжной ситуации с наименьшими потерями. Во второй главе рассматриваются внешнеполитические и стратегические проблемы, с которыми империя столкнулась после русско-польской войны 1830—1831 гг. Их решение заставило приступить к строительству крепостей и дорог на западных границах и заблаговременно разрабатывать планы на случай различных сценариев изменения обстановки в Европе.

Третья глава книги посвящена стратегии Николая I в период революционного кризиса в Европе 1848—1850 гг. По мнению Кривопалова, устраняя возникавшие тогда угрозы, Россия сыграла едва ли не решающую роль в коллективных усилиях великих держав, благодаря которым удалось избежать полномасштабной войны на континенте и предотвратить стихийное расширение локальных конфликтов в Венгрии, Дании и Северной Италии. В итоге это позволило не только сохранить монархию Габсбургов, но и обеспечить выгодное для России соотношение сил в вопросе о доминировании в Германии Австрии или Пруссии. Кривопалов полагает, что существовала взаимосвязь между общим развёртыванием Большой Действующей армии и «умиротворением» Германии, состоявшимся под давлением Петербурга.

В четвёртой и пятой главах монографии анализируется постепенное перерастание Восточного кризиса середины 1850-х гг. сначала в локальную русско-турецкую войну, а затем в противостояние России с коалицией Англии, Франции, Турции и Сардинии. Автор справедливо указывает на уникальность и беспрецедентность этого столкновения в новой и новейшей истории России. Эта борьба ве-

лась без союзников в Европе, в условиях военно-политической изоляции со стороны других великих держав, а потому её исход был заранее, ещё до первого выстрела, предreshён, и победа в ней становилась в принципе недостижима. Но, признавая просчёты и системные ошибки, допущенные Николаем I и кн. Паскевичем в дипломатических отношениях и военном планировании в первой половине 1850-х гг., Кривопапов пишет не столько о них, сколько о том, как происходил поиск тех стратегических приоритетов, благодаря которым в условиях заведомо проигранной войны Россия и после болезненного поражения смогла остаться великой державой.

В 1853—1856 гг. была реализована стратегия, предполагавшая разделение всех потенциальных и действительных театров военных действий на главные и второстепенные. Её вдохновителем и разработчиком был кн. Паскевич, опиравшийся на опыт наполеоновских и русско-турецких кампаний. При этом, как показывает Кривопапов, на всём протяжении Крымской войны, и особенно с 1854 г., фельдмаршал исходил из того, что наиболее опасным является западное направление, а угрозу присоединения Австрии и Пруссии к вражеской коалиции не следует преуменьшать. Поэтому именно на западе он предлагал сосредоточить многочисленные воинские формирования и резервы. Первоначально он даже возражал против форсирования Дуная до прояснения русско-австрийских отношений.

В феврале 1854 г., находясь в столице, князь представил императору несколько записок о возможном развитии боевых действий, постоянно внося коррективы в свои предположения. Тогда он впервые упомянул о том, что, возможно, России придётся одновременно вести войну против че-

тырёх великих держав, защищая границы от Балтийского моря «до Баязета». Впрочем, тогда фельдмаршал ещё надеялся, что Австрия останется «шатким союзником» России, несмотря на её недоверие к российским обещаниям сохранить целостность Османской империи. Из-за позиции австрийцев ему даже пришлось пересмотреть план кампании на Дунае, отказавшись от попыток спровоцировать антитурецкое восстание славянского населения. В записке, составленной 28 февраля 1854 г., говорилось о необходимости выиграть время, затягивая войну, и тем самым лишить противников стратегической внезапности, а также по возможности удержать Австрию и Пруссию от вступления в конфликт. Для этого Иван Фёдорович тогда же советовал очистить Придунайские княжества, занятые русскими войсками в июле 1853 г., но убедить в этом императора он сумел только в июне 1854 г., когда Вена предъявила ультиматум. До этого кн. Паскевич лично руководил осадой Силистрии, рассчитывая на то, что это также поможет задержать союзников на Балканах, вдали от черноморского побережья России.

Крымское направление в стратегическом отношении князь признавал второстепенным и одним из наименее уязвимых. В начале 1854 г. он даже не думал о возможности англо-французского десанта в Крыму, а Севастополь казался ему неприступным для вражеского флота и высадки с моря. Гораздо больше его беспокоило положение Петербурга¹. Впрочем, практически никто из русских военачальников и теоретиков, за исключением, видимо, кн. А.С. Меншикова, не смог предугадать дальнейший ход событий (подготовка к десанту развернулась только летом, и он оказался едва ли не в разы многочисленнее, чем это прогнозировалось российским командованием).

Высадка союзниками под Евпаторией свыше 60 тыс. солдат была беспрецедентной по своим масштабам и совершенно неожиданной с точки зрения военного планирования. Она сорвала планы Паскевича по укреплению обороны на границе с Австрией: фельдмаршал надеялся сосредоточить здесь главные силы Действующей армии, чтобы парировать наступления на наиболее вероятных, как он полагал, направлениях. В итоге, к ноябрю 1854 г. русская армия оказалась растянута на огромном пространстве. Но и позднее Паскевич последовательно противился накоплению войск в Крыму. Осенью 1855 г., уже будучи смертельно больным и не участвуя в совещаниях командования, он продолжал твердить о том, что Австрию удалось остановить на пороге войны только «сильной армией, собранной в 1854 г. в Польше», и призывал Александра II готовиться к отражению вторжения на западе.

Парадоксально, но первоначальные планы союзников, как и российская стратегия, строились на ошибочных основаниях. Выработанный зимой—весной 1854 г. англо-французской коалицией план нападения на Севастополь и уничтожения базировавшегося там Черноморского флота был плохо продуманным и рискованным. Его разработчики, не понимавшие логики действий России, рассчитывали на молниеносную войну, желали решить исход конфликта одним ударом и смутно надеялись на то, что империя отступит после первого же «решительного» поражения на своей периферии. Э. Ламберт назвал эти ожидания «фундаментальной ошибкой» британского стратегического планирования. Показательно также, что в 1855 г. правительство королевы Виктории удивлялось тому, что сдача Севастополя не привела к немедленному заключению мирного договора².

Кривопалов видит заслугу Паскевича в том, что фельдмаршал взял на себя «историческую ответственность» за ведение заведомо безнадёжной войны. Выбранная им весной 1854 г. пассивная оборонительная стратегия действительно сдерживала расширение конфликта. Во всяком случае, в 1855 г. повторного развёртывания австрийских войск на границе уже не последовало. В Крыму союзникам не удалось навязать России скоротечную кампанию, и сражения приобрели изнурительный для обеих сторон характер. Между тем содержание на западной границе крупных армейских группировок, сопоставимых по численности с контингентами потенциального противника, приводило к перенапряжению сил и ослаблению России.

В историографии не раз критиковали Паскевича за переоценку опасности, исходившей от Австрии, за возникшую в итоге своего рода «перемобилизацию» русской армии и неспособность в критический момент помочь защитникам Севастополя. Однако Кривопалов утверждает, что уже весной 1854 г. перспектива военного столкновения с Австрией была вполне реальной, по крайней мере, в ограниченном размере — в Придунайских княжествах. Об этом свидетельствовали необычные масштабы мобилизации австрийских войск и их значительное сосредоточение в Галиции. Русская разведка фиксировала заготовку австрийцами продовольствия, расширение дорог в тылу армии, поспешное строительство земляных укреплений вокруг важнейших городов Галиции и Буковины. К осени 1854 г., когда мобилизацию приостановили, Австрия достигла пика своей боеготовности. Более того, автор, вслед за Паскевичем, не исключает, что России пришлось бы столкнуться с «соединёнными действиями» Австрии и Пруссии, которые совместно

могли развернуть армию в 1,2 млн человек. Хотя, конечно, какое-либо их сотрудничество представлялось тогда весьма проблематичным. Многие историки сходятся в том, что начиная с 1820-х гг. статус Австрии как великой державы во многом зависел от военно-дипломатической поддержки России³. Австрия в середине 1850-х гг. как в военном, так и в экономическом отношении находилась далеко не в лучшей форме, и амбициозная политика канцлера гр. К.Ф. Буоля отнюдь не соответствовала имевшимся у него ресурсам. Неслучайно после вывода русских войск из Придунайских княжеств он избегал любых обязательств перед западными державами, которые грозили бы втянуть Франца-Иосифа в войну. В Вене прекрасно сознавали, что присоединение к военным действиям едва ли не автоматически перенесёт основные события с Крымского театра на слабо защищённые с востока австрийские территории⁴.

Осветив множество нюансов русского военно-стратегического планирования 1840—1850-х гг., Кривопапов сравнительно скупой пишет о его влиянии на различные внешнеполитические решения и связи. Так, почти ничего не говорится о характере взаимоотношений в 1850-х гг. трёх «консервативных» монархий. Не учитываются и экономические последствия англо-французской блокады российских портов на Чёрном и Балтийском морях⁵.

В целом монография А.А. Кривопапова является добротным научным трудом, который будет полезен всем, кто интересуется историей России XIX в. Выводы и наблюдения автора, а также его архивные находки име-

ют существенное значение для понимания николаевской политики и, в частности, хода Крымской войны. Пригодятся они и в сравнительных исследованиях, посвящённых изучению военного потенциала России и политики континентальных альянсов. В книге удалось передать всю сложность и даже безвыходность положения Николая I и его ближайших советников, и прежде всего кн. И.Ф. Паскевича перед лицом фатального столкновения: избежать его не позволял престиж великой державы, а одержать в нём победу не давала международная изоляция.

Примечания

¹ Характерно, что подобной точки зрения в отношении Петербурга и Крыма придерживались и многие представители британского высшего генералитета, называвшие планы осады Севастополя «весьма абсурдными и опасными»: *Strachan H. Soldiers, strategy and Sebastopol // The Historical Journal. 1978. Vol. 21. № 2. P. 319.*

² *Lambert A. Preparing for the Russian War: British Strategic Planning, March 1853 — March 1854 // War and Society. 1989. Vol. 7. № 2. P. 29.*

³ См., например: *Bridge F.R., Bullen R. The Great Powers and the European States System 1814—1914. Ed. 2. Harlow, 2005. P. 114—125; Sked A. The Decline and Fall of the Habsburg Empire, 1815—1918. Ed. 2. L.; N.Y., 2013. P. 170—175; Mitchell A.W. The Great Strategy of the Habsburg Empire. Princeton, 2018. P. 268—274.*

⁴ *Дегоев В.В. Внешняя политика России и международные системы: 1700—1918 гг. М., 2004. С. 269—300; Rothenberg G.E. The Army of Francis Joseph. West Lafayette (Indiana), 1998. P. 50—51.*

⁵ Подробнее об экономических последствиях этой блокады: *Степанов В.Л. Крымская война и экономика России // Вопросы теоретической экономики. 2018. № 1. С. 117—137. См. также: Stepanov V.L. The Crimean War and the Russian Economy // Russian Studies in History. 2012. Vol. 51. № 1. P. 19—24.*